

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

частях. Тем не менее назвать его критическим в полной мере нельзя: издатель почти не привлекал параллелей из других источников, а дать удовлетворительный текст на основе одной, не везде одинаково авторитетной, рукописи, далеко не всегда возможно. Многочисленные рецензии на издание J. Neuworth Duppe показывают, что при более углубленной проработке текста в него могут быть внесены различные поправки. Несмотря на такие детали, его работа, конечно, дает вполне надежную основу для исторического изучения. Исследователи будут особенно благодарны издателю за то, что он так быстро после первого тома сделал доступным для всех интересующихся второй. Надо приветствовать и намерение издателя по завершении всей серии дать специальную монографию об авторе. А. Сүли этого вполне заслуживает как крупный и достаточно оригинальный представитель цветущего периода арабской литературы.¹

И. Крачковский

Август 1936 г.

Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Серия «Строй языков» под общей редакцией А. П. Рифтина. Выпуск одиннадцатый, изд. ЛГУ, 1939, стр. 60. Цена 2 руб.

В предисловии редакции к первым выпускам серии «Строй языков» указывается: «Решение печатать эту серию очерков ряда языков в их строе вызывается двумя основными соображениями. Прежде всего эти работы, заключая в себе в сжатом виде большой материал по основным языковым разделам и давая важнейшую библиографию, могут служить кратким введением к более серьезному изучению данного языка».² Кроме того, серия имеет «своей задачей вскрыть как можно полнее все структурное своеобразие каждого данного языка» (там же).

Дать краткое изложение строя турецкого языка и в то же время вскрыть «все структурное своеобразие» его — задача столь же почетная, сколько и ответственная, которая еще осложняется тем, что «особое внимание во всех выпусках (думаем, что это касается и одиннадцатого. — А. К.) будет уделяться синтаксису, в частности, формам предложения» (там же). Кроме того, по мысли редакции, серия предназначена не столько для специалистов по каждому данному языку, сколько для специалистов по общему языкознанию или по другим языкам.

¹ Уже после сдачи в редакцию настоящей рецензии появился третий том, посвященный «стихам детей халифов и рассказам про них»; быть может, обстоятельство позволит нам еще вернуться к нему.

² В рецензируемом выпуске это предисловие отсутствует; думаем, что основные цели и задачи и в одиннадцатом выпуске остались без изменения.

Это обстоятельство, на ряду с изложенными выше, налагает на автора особые обязательства.

«Строй турецкого языка» состоит из следующих разделов: 1) Введение (стр. 3—7), 2) Фонетика (7—16), 3) Лексика и семантика (16—23), 4) Морфология (23—48), 5) Синтаксис (48—59), 6) Приложение¹ (59—60), 7) Литература (60).

Выше мы отметили, что задача перед автором «Строя турецкого языка» (как и перед авторами других выпусков этой серии) стояла чрезвычайно трудная. В рецензируемой работе читатель найдет освещение ряда интересных, мало разработанных в туркологической литературе вопросов.

Н. К. Дмитриев на ряде примеров, с вполне убедительными комментариями, доказывает, что некоторые факты современного турецкого языка «ставят под сомнение тезис о неизблемости корня, который настойчиво выдвигали старые турецкие грамматики» (стр. 13). К числу фактов, подтверждающих это положение, автором привлекаются: «протеза, редукция гласных в связи с ударением, чередование глухих и звонких и т. д.» (стр. 15).

Тонкие наблюдения проведены автором в вопросе об ударении. Роль ударения, как фактора морфологической дифференциации, разработана Н. К. Дмитриевым очень подробно. Автор насчитывает девять случаев, когда ударение выступает как фактор морфологической дифференциации. Все эти факты так или иначе отмечались в туркологической литературе, но заслуга Н. К. Дмитриева состоит в том, что он изложил их в определенной системе.

Автор, указывая (стр. 9), что принцип губного притяжения (в законе гармонии гласных) «осуществляется одновременно с принципом нёбного притяжения», делает вполне законный вывод, игнорируемый другими туркологами, что «говорить о нёбном и губном притяжении, как об отдельно действующих процессах, нельзя, а следует иметь в виду единое нёбно-губное притяжение».

С большим интересом читается глава «Лексика и семантика» (стр. 16—23), где довольно подробно (при учете объема всей работы) разбирается состав турецкого словаря в иноязычной его части, а также история и источники заимствований, что особенно ценно, так как сводной работы по этому вопросу пока еще нет.

К числу мало разработанных вопросов турецкой грамматики относится также вопрос о категории определенности и неопределенности.² Автор в двух местах своей

¹ Отрывок из стихотворения в прозе Джелиаль Сахира в дословном и литературном переводах.

² Этот вопрос частично затрагивается лишь в работе Т. Ковальского (Т. Kowalski) «Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes -lar, -lär in den Turksprachen» (Kra-ków, 1936, 8°, 32).

работы (стр. 32 и 51) подробно освещает этот вопрос, делая поучительные выводы.

Интересная работа Н. К. Дмитриева имеет также ряд порой существенных недостатков. К числу недостатков и отдельных положений автора, вызывающих возражения, относятся, с нашей точки зрения, следующие.

Указывая на стр. 13, что в исходе слова не допускается¹ стечение согласных, за исключением комбинации согласного с плавным (türk 'турок', ilk 'первый', kürk 'шуба') или с согласным s (üst 'верх', dost 'друг' — из перс.), автор не дает примеров на комбинацию с согласными *m, n, v* (semt 'сторона' — из араб., genç 'молодой' — из перс., zevk 'удовольствие' — из араб.); кроме того, следовало бы указать, что вторым согласным в комбинации с указанными звуками (*l, r, m, n, v, s*) должны быть *t (d), x, p (b), h, ç (c)*. Говоря о семантике глагола oturmak 'жить', 'сидеть' (т. е. «проживать там-то»), автор указывает, что понятия «жить», «сидеть» не дифференцированы на том основании, что «в старой Турции, за отсутствием столов, стульев и кроватей, жизнь протекала на полу, на универсальных коврах и подушках» (стр. 22). Не проще ли объяснять приведенный факт тем, что глагол oturmak пережиточно отражает способ мышления кочевника, для которого «сидеть» значило, в нашем понимании, «жить». Кроме того, в этом глаголе не найдем ничего специфически турецкого, если мы вспомним, что в древнерусском языке «сидеть» тоже употреблялось в значении «жить».

Приводя примеры на слова-морфемы (стр. 26), автор указывает, что морфема — *daş || -taş* «по гипотезе Н. Н. Поппе, происходит от монгольского слова *ada1* 'похожий', 'подобный». Однако Н. Н. Поппе (Монгольские этимологии. ДАН-В, 1925, стр. 19—22) разбирает (стр. 19) только этимологию слова *adaş* 'тезка', и не касается вовсе вопроса о составе *-daş || -taş*, замечая лишь, что J. Deny (Grammaire. . . § 546, note) «выводит суфф. *-daş* из *adas*». Не касаясь здесь вопроса о приемлемости гипотезы Н. Н. Поппе, заметим, что нашему автору, даже если он полагает, что *-daş || -taş < adaş = монг. ada1*, следовало бы указать также на наличие других предположений о составе аффикса *-daş || -taş* (Залеман, Némethi, Bang, Deny, Zajączkowski).² дав тем самым читателю возможность самому судить о приемлемости той или иной точки зрения.

Разбирая категорию сказуемости (стр. 28), Н. К. Дмитриев замечает: «В 1-м и 2-м л. мн. ч. аффиксы имеют архаичный показатель множественности: *z* с пред-

шествующим узким гласным». Если это замечание совершенно справедливо в отношении аффикса 2-го лица мн. ч., то в отношении 1-го л. мн. ч. правильность этого утверждения вызывает некоторые сомнения. Вопрос о происхождении аффикса 1-го л. мн. ч. неоднократно поднимался в тюркологической литературе и решается так: *iz < biz >¹ wiz > yiz | > iz.²* В свою очередь *biz < be ~ i + z*, где «*z*» есть аффикс множественного числа, но в современном аффиксе сказуемости 1-го л. мн. ч. «*z*» не есть просто аффикс множественного числа, а элемент совершенно иного качества, получивший возможность функционировать в качестве аффикса сказуемости лишь по связи с личным местоимением, с помощью которого и осуществлялось спряжение. Только в свете этого анализа будет понятно, почему аффикс *-iz* включает в себе предикативность, в которую включен показатель действующего лица (*iz = мы есмь*, 'wir sind' и т. п.)

Переходя к вопросу о составе слова *degil* 'не есть' (стр. 29), следует заметить, что, кроме приводимой автором гипотезы, решительно стоило бы указать на существование новейшей точки зрения по этому вопросу.³

Из приведенного автором объяснения состава «аффикса-уог (сравнительно поздно возникшего) из глагола *uog | u | — || uir | ü | — uirü* 'ходить', 'двигаться', как явствует из специальных работ К. Фоя, Ф. Е. Корша и В. Банга (стр. 34) читатель не-тюрколог должен сделать вывод, что поименованные автором ученые единодушно выводят аффикс-уог из указанного глагола, что, как известно, не будет отвечать истинному положению вещей.

Говоря об оформлении 3-го л. спрягаемых форм глагола, Н. К. Дмитриев замечает: аффикс «*dir* вообще не ставится, если основа времени оканчивается на *r ~ z* или гласный» (стр. 34). Эта точка зрения автора на причины отсутствия аффикса *-dir* в 3-м л. имеет свою историю: Н. К. Дмитриев заявляет о ней письменно, по крайней мере, в третий раз.⁴ Эта точка зрения должна быть пересмотрена по следующим причинам.

1. Форма 3-го л., являясь морфологическим фундаментом, на котором строится

¹ Личное местоимение множественного числа «мы».

² П. М. Мелиоранский. Араб филолог о турецком языке, стр. XL—XLI. — J. Deny. Türkçede «ler» edatının menşei, p. 239. Üçüncü Türk Dil Kurultayı (1936), pp. 291—295. İstanbul, 1937.

³ J. Deny, op. cit.

⁴ С. К. Церуниан. Курс османских разговоров (Грамматические примечания Н. К. Дмитриева). М., 1924, т. 1, 176. — Н. К. Дмитриев. К вопросу о значении османской глагольной формы на «мыш». ЗКВ, II, 95.

¹ При чем этот факт объясняется «традицией прежних эпох» (стр. 13).

² См. еще специальную работу: Af. Saferoğlu. Türkçede «daş» îhikası. İstanbul, 1929.

все спряжение, не нуждается в оформлении, так как «третьего лица нет, третье лицо это тотем-действие» (Н. Я. Марр).¹

2. Слова автора «аффикс *dur* вообще не ставится» при основах на *g ~ z* или гласный неточно отражают истинную картину турецкого спряжения, так как существуют формы типа: *geliyordur, gitmelidir*, в которых *dur...dir*, не являясь необходимым структурным элементом этих форм, образует своеобразную форму модальности.

Далее Н. К. Дмитриев замечает: «-уог прибавляется прямо к корню исторически, повидимому, через стадию деепричастия на „-у“, т. е. *oku - u + uog > okuuog > okuog*» (стр. 34). Не исключена возможность предположить, что -уог присоединяется не «через стадию деепричастия на „-у“, а через стадию деепричастия на „-а“² или, по мнению Банга, через стадию отглагольного имени на „-а“³. В старых турецких грамматиках, составленных турками, обычно указывается: настоящее I время (*hal*) образуется через присоединение к 3-му л. ед. ч. желательного наклонения

«частицы» -уог, т. е. — $\frac{a}{e} + uog$. В старых текстах часто встречается начертание, подтверждающее это положение: *يازедюр*. По всей вероятности форма с деепричастием ~ отглагольным именем на «-а» есть первоначальная форма, а форма на «-и» есть производная: *a + u > iu*.⁴

Н. К. Дмитриев, разбирая вопрос о составе аффикса прошедшего-категорического времени, на стр. 35 замечает: «В основе его (прош.-кат. вр. — А. К.), по гипотезе Мелиоранского и Броккельмана, лежит архаичное отглагольное имя на -it, -it, -ut, -üt (т. е. *al-it* 'взятие'...»). Вызывает недоумение, почему точка зрения К. Броккельмана сближается нашим автором с таковой П. М. Мелиоранского? П. М. Мелиоранский, говоря о составе этой формы, замечает: «временной основой» прошедшего-категорического является некое отглагольное имя на -ды(ты)...» (Араб филолог о тур. яз., стр. LXXI).

На стр. 40 указано: «Инфинитив как имя может принимать аффиксы принадлежности...» Мы считаем это «может» досадной опечаткой; видимо, при наборе выпало отрицание «не» и все предложение следует читать: «Инфинитив... не может принимать аффиксы принадлежности».

¹ Н. Я. Марр. *Verba impersonalia*... Избр. раб., т. II, 315. — Н. Я. Марр. О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, стр. 128. Лгр., 1934. — И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 67, 228 и сл. Лгр., 1936.

² J. Deny, *Grammaire*... § 613, in fine.

³ W. Bang. *Monographien- z. türk. Sprachgesch.*, 39.

⁴ J. Deny, *op cit.*, p. 400, Remarque 2.

«Придаточными предложениями в настоящем смысле из турецких конструкций, — по мнению автора, — можно считать» (стр. 55) среди прочих «деепричастные обороты, если при деепричастии имеется свое подлежащее, отдельное от подлежащего другой части предложения» (стр. 56). То же самое замечает Н. К. Дмитриев и в отношении причастных оборотов (стр. 57). Признание отдельного подлежащего критерием для выделения придаточного предложения «в настоящем смысле», кажется нам недостаточным, ибо центром предложения является для турецкого языка сказуемое, а не подлежащее. Характер и природа сказуемого являются единственным, по нашему мнению, критерием.

Вместо обычно принятых в туркологической литературе терминов «положительная форма» (глагола) «отрицательная форма» (глагола), в работе Н. К. Дмитриева приняты: «положительный аспект», «отрицательный аспект» (стр. 33). Но старый, видимо, более привычный термин тяготеет над автором; так, напр., на стр. 35 встречается: «отрицательная форма» (вм. «аспект»), «форма невозможности» (вм. «аспект невозможности», см. стр. 33), то же несколько раз на стр. 36.

Список литературы (стр. 60) составлен по каким-то случайным признакам и количественно явно недостаточен. В работе довольно много опечаток и других дефектов; напр. на стр. 29 напечатано: «наши тетради» (нужно: «ваши тетради»), на стр. 32 напечатано: «порядковые числительные» (нужно: «количественные числительные»), на стр. 38 напечатано: «должен или я давать» (нужно: «должен ли я давать»), на стр. 39 напечатано: *gigtek* 'натягивать' (нужно: *germek*).

Здесь мы отметили только самые существенные, с нашей точки зрения, погрешности. Некоторые опечатки и неточности встречаются и в списке литературы: так, грамматика В. А. Гордлевского издана в 1928, а не в 1929 г., как указано (стр. 60). Составителем «Военного турецко-русского и русско-турецкого словаря» значится: «П. С. Токарев...» следует: «П. С. Бочкарев»; «В. Максимов. Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендляре...» следует: «Худавендгяре».

А. Кононов

С. Арзуманов и С. Нестеренко. *Учебник таджикского языка для взрослых*. Утвержден Наркомпросом Таджикской ССР. Госиздат Таджикистана. Отдел учебно-педагогической литературы. Сталинабад, 1938, 383 стр.

Как указано в предисловии, «учебник составлен для взрослых, впервые принимающихся за изучение таджикского языка» и, повидимому, для не-таджиков, хотя это нигде не оговорено. Материал располагается следующим образом: 1) звуки таджикского языка — 3 стр.; 2) грамматический материал, подкрепляемый примерами, слова-